

МУЗЕИ И ТУРИЗМ В КРЫМУ

УДК 39 (477.75): 001.891-057.4 1921-1941

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Мусаева Улькера Кязимовна

*доктор исторических наук, доцент кафедры истории,
Крымский инженерно-педагогический университет
(г. Симферополь, Республика Крым, Россия).
Тел.: +7 978 8175110; e-mail: musaeva_ulker@mail.ru*

В статье рассмотрены на основе обширного корпуса архивных документов, которые впервые вводятся в научный оборот, деятельность музеев военно-исторического профиля. Восстановлена подвижническая деятельность в области изучения и сохранения историко-культурного наследия, становление, развитие музеев как единой системы. Изучены новые концепции музейных экспозиций, которые активно внедряют новые методики непосредственной работы с посетителями и организации пополнения фондов.

Ключевые слова: *А. И. Полканов, музей Севастопольской обороны, Крымская АССР, музееведение.*

Развитие сети музейных учреждений в Крымской АССР имело целью деятельности широкое привлечение как можно более широкого круга различных слоев общества к экспозициям, просветительской и научно-исследовательской работе. Становление, развитие музеев как единой системы предусматривало появление профессиональных специализированных отраслевых центров, которые были способны к организации самостоятельных научных исследований и экспедиций. Именно такие принципы стали господствующими в деятельности музеев археологического и народоведческого направлений, которые смогли предложить новые концепции музейных экспозиций, активно внедряли новые методики непосредственной работы с посетителями и организации

пополнения фондов. Можно констатировать, что гармоничное сочетание просветительской и исследовательской функций принесло свои наглядные положительные плоды.

Впрочем, в 20–30-е гг. XX в. сложилась и другая сеть музеев региона, имевших целью приоритет экспозиционной и выставочной деятельности, в этих учреждениях исследовательские проекты почти не реализовывались. К такой категории можно отнести деятельность военно-исторических и художественных музеев полуострова. Объяснить этот феномен можно обстоятельствами формирования этих учреждений и спецификой собранных материалов. Однако значение их деятельности от этих обстоятельств, нельзя принизить ни в какой мере.

Историческое прошлое Крыма сконцентрировало не один масштабный военный конфликт, имевший последствия как регионального, так и общегосударственного или международного значения. С момента присоединения Крыма к Российской империи полуостров стал играть ведущую роль в геополитическом регионе Черноморского бассейна, исполнял роль южного форпоста военного, экономического и культурного потенциала государства. В этом контексте военные конфликты, затрагивавшие Крым, неизбежно оставляли масштабные материальные свидетельства исторического и культурного значения, представлявшие интерес с исследовательской, популяризаторской и памятникоохранительной стороны.

Сама по себе идея сохранения памятников военного характера появилась после окончания Крымской войны 1853–1856 гг. – первого и единственного конфликта основных мировых держав, центром и основным театром военных действий которого стал полуостров. Сохранившиеся памятники фортификационного и крепостного характера (здания казарм, батарей, места расположения кораблей флота), монументальной архитектуры и скульптуры (памятные знаки и памятники основным руководителям и участникам обороны Севастополя 1854–1855 гг.) значительный документальный и наглядный материал (официальная документация и переписка, образцы военной формы и наград, личные бумаги участников событий), вещественные атрибуты жизни защитников Севастополя были неисчерпаемым источником для создания соответствующих тематических коллекций. Создание музейных учреждений специализированного профиля стало прерогативой общественной инициативы, выдвинутой широкими кругами ветеранов Крымской войны 1853–1856 гг.

Возвращение Севастополю статуса военной базы Черноморского флота в 70-е гг. XIX в. сделало город активным участником событий

Первой Мировой войны 1914–1918 гг., значительная политизация матросов и офицеров в годы революционных событий и Гражданской войны (1917–1921) также способствовали появлению и сохранению значительного объема свидетельств и материальных объектов музейного значения для изучения данных периодов истории Крыма. После установления Советской власти и начала процесса активного формирования государственной музейной сети выделение данных памятников в особое направление музейной работы стало совершенно логичным и обоснованным.

Концентрация и значение памятников военной истории Крыма до советского периода, необходимость их сохранения и популяризации стали основным мотивом становления и деятельности военно-исторических музейных учреждений в регионе. Инициатива увековечения памяти героев обороны Севастополя 1854–1855 гг. в ходе Крымской войны (1853–1856) принадлежала самим участникам событий и была реализована в форме создания Музея Севастопольской обороны, который был открыт в 1869 г. Учреждение может считаться первым музеем в Крыму, которое осуществляло не только экспозиционную, но и значительную исследовательскую работу. В декабре 1895 г. было определено исследовательское назначение музея, что отразилось в изменении названия: Военно-исторический музей Черноморского флота, что также можно считать первым примером создания постоянного профильного специализированного учреждения в регионе. Значительную помощь в организации экспозиции оказывала работа специальной комиссии по организации музея, которая занималась присылкой документов и вещей со всей страны. Огромное значение для завершения становления Военно-исторического музея Черноморского флота как профильного комплекса имела организация Панорамы «Штурм 6 июня 1855», в центре которой использовалось батальное полотно художника Ф. А. - Рубо. Открытие этого подразделения музея состоялось в 1905 г. и способствовало значительному всплеску внимания посетителей к работе музея и необходимости сохранения памятников обороны 1854–1855 гг. как его основной материальной составляющей [1, с. 197–202, 280–282].

После установления Советской власти музейное учреждение продолжило свою работу. Архивные документы вновь фиксируют первоначальное наименование – Музей Севастопольской обороны 1854–1855 гг. Он был вновь открыт для посетителей 17 апреля 1922 года. На организации деятельности учреждения значительную роль сыграл особый принцип руководства музейными учреждениями, осуществленный в

Севастополе в 20-х гг. XX в. Он выражался в централизованном принципе администрирования. Самостоятельный характер носил только «Музей раскопок» в Херсонесе, его филиалом назывался «Музей Севастопольской обороны», а «Панорама штурма Севастополя 6 июня 1855 г.» была вспомогательным учреждением при «Музее Севастопольской обороны». Всеми тремя учреждениями руководил заведующий Севастопольским ОХРИСом Лаврентий Алексеевич Моисеев. В апреле 1922 г. были выделены средства на реставрацию переднего плана полотна Панорамы. Начались и другие необходимые ремонтные работы: на Историческом бульваре привели в порядок помещения ресторана, ограды и оранжерей, в Музее обороны и Панораме были заменены кровельные фонари [2, л. 17]. В специальной анкете о состоянии музейных объектов, заполненной по запросу Музейного отдела Главнауки, Л. А. Моисеев отмечал, что Музей Севастопольской обороны располагался в отдельном здании по адресу: улица Екатерининская, дом 9, указывался филиальный статус музея. Временем создания как постоянно действующего учреждения назывался 1871 г., переезд в отдельное помещение был осуществлен в 1895 г. Согласно данным сметы, отраженным в анкете, на содержание музея на 1923 г. было выделено 1.717.000 124 рубля. Ответственным лицом учреждения был назван Л. А. Моисеев, в штате музея числились также: хранитель, смотритель зданий и трое служителей. Профиль музея определялся как исторический и бытовой, в нем находилось 2.147 экспонатов, сосредоточенных в трех отделах – общем, пушечном и историческом. Вспомогательные службы были представлены библиотекой и архивом, исследовательская деятельность заключалась в регистрации коллекций. За 4 месяца 1922 г. (апрель–август) музей посетило 1.870 человек [3, л. 249].

По «Панораме штурма Севастополя 6 июня 1855», которая была названа подразделением «Музея Севастопольской обороны» отмечалась следующая информация: дата основания – 14 мая 1905 г., констатировалось наличие собственного специального помещения на Историческом бульваре. Бюджет панорамы регулировался общим бюджетом музея и был заложен в него отдельным пунктом. В штате состояло пять человек: хранитель, старший служитель, два служителя, кассир. Специализация учреждения определялась как «художественная военно-бытовая картина», в нем выделялись два отдела – отдел эскизов (42 экспоната) и фигур героев (29 экспонатов). Отмечалось, что на протяжении 1922 г. делалась реставрация ряда эскизов и ремонтные работы по остеклению и обновлению дверей и входов. Посещаемость в апреле–августе 1922 г. составила 10.010 человек [3, л. 250]. В 1923 г.

архитектором О. И. Энбергом был спроектирован и выполнен ремонт дорожек Исторического бульвара. Помимо организационной, активизировалась и научная, и просветительная работа, в 1922 году была составлена «научная программа экскурсий по истории и природе Крыма в Севастопольском районе» [4, л. 17 об.]. С целью популяризации работы музеев, в следующем, 1923 г. совместно с Домом просвещения Союза работников просвещения при Севастопольском ОХРИСе было организовано Экскурсионное бюро [5, л. 20.].

Особенности управления севастопольскими музеями в полной мере отразились в конфликте их руководителя Л. А. Моисеева с руководством КрымОХРИСа в 1924 г. Л. А. Моисеев в январе 1924 г. подал прошение о научной командировке в Москву и Петроград. Поездка предполагала согласование многих административных вопросов, и 8 марта 1924 г. Л. А. Моисеев выехал в Москву. В его отчёте о командировке нашли отражение результаты почти двухмесячной поездки [6, л. 176 об.–177.]. Директором севастопольских музеев были прочитаны 6 докладов в различных научных организациях. Л. А. Моисеев отмечал, что в результате докладов и личных бесед с членами научных и управленческих органов все «поручения и неотложные вопросы музейного строительства были выполнены и разрешены в желательном для дела смысле» [6, л. 177]. В частности, Л. А. Моисеев принимал участие в заседании правления РАИМК, на котором рассматривался проект первой Археологической научно-исследовательской станции в Херсонесе. Предложения директора музея были одобрены, Л. А. Моисееву поручалось провести переговоры по организационным вопросам со всеми центральными и местными органами власти. На состоявшемся 10 апреля 1924 г. заседании Президиума Музейного отдела Главнауки было решено до учреждения станции организовать при музее кабинет научных исследований для приезжающих специалистов с общежитием для их проживания. На том же заседании было принято «Положение о Херсонесском музее и раскопках». В нём отмечалось, что до окончательного освобождения зданий монастыря музейные материалы, которые должны были быть эвакуированы из Харькова, следовало разместить в здании Дома-музея Л. Н. Толстого. Утверждены были смета и план не имеющего аналогов 9-ти томного издания о раскопках Херсонеса. Кроме того, была одобрена смета на расходы по ограждению городища (до 6.000 рублей), средства на которую было решено выделить за счёт «чугунного фонда», передаваемого дирекции музея, с вычетом 10%. Покинув 24 апреля 1924 г. Москву, Л. А. Моисеев отправился в Харьков, где произвёл приём и эвакуацию 25 ящиков с

коллекциями из севастопольских музеев, отправленными туда ещё в 1914 г. Однако, вернувшись в Севастополь, Л. А. Моисеев узнал, что закреплённый за музеем по разрешению Музейного отдела Главнауки «чугунный фонд», хранившийся на особом текущем счете музейной дирекции в Госбанке, был переведён на счёт Управления уполномоченного Музейного отдела по Крыму, то есть – в распоряжение КрымОХРИС. Уже утверждённый проект возведения ограждения и все другие вопросы о Херсонесе должны были быть пересмотрены Учёным совещанием КрымОХРИСа. Подобный перевод вопросов, уже решенных в Музейном отделе Главнауки, в ведение крымских органов управления музейным делом вызвал протест Л. А. Моисеева. В начале мая 1924 г. он написал письмо Н. И. Троцкой с просьбой урегулировать конфликт и вернуть утвержденный фонд в распоряжение севастопольских музеев [6, л. 176–176 об.].

Действия КрымОХРИСа отражали его стремление к централизации управления музейным делом на полуострове. Недовольство симферопольских чиновников – А. И. Полканова и Я. П. Бирзгала – постоянными стремлениями Севастопольского городского ОХРИСа к самостоятельности проявлялось ещё в 1922 г. на I Крымской музейной конференции. Дискуссия между данными учреждениями была острой: при обсуждении вопроса о необходимости дальнейшего существования Крымохриса севастопольская делегация (а конференция проходила на их территории) высказывалась за прямое подчинение основных музеев Главнауке в Москве. А. И. Полканов же отмечал, что сохранение органа управления в центре Крыма необходимо, чтобы проводить те сокращения финансирования, «чтобы не давать возможности отдельным, более расторопным учреждениям добывать средства непосредственно из Центра в ущерб другим, более скромным» [5, л. 93]. В данном случае имелось в виду сокращение штатов Севастопольского ОХРИСа с 54 до 40 человек, проведённое в связи с переводом крымских музеев на госбюджет [7, л. 337.]. Кредиты, выделявшиеся из Москвы по госбюджету, КрымОХРИС предлагал перераспределять через Симферополь, учитывая интересы учреждений всех крымских городов, поскольку центр «не знает местных условий». Как пример приводился факт, что «в Севастополе имеются кое-какие местные доходы, а в Евпатории, Симферополе, Бахчисарае – никаких» [7, л. 280]. Вполне возможно, что А. И. Полкановым подразумевался как раз «чугунный фонд», хотя нельзя не обратить внимание и на то, что именно севастопольские музеи, и в первую очередь – Музей обороны и Панорама продолжали полноценную экспозиционную и экскурсионную деятель-

ность, которая и приносила основной самостоятельный доход. Положение же раскопок в Херсонесе еще не было окончательно определенным, постоянное музейное учреждение там еще создано не было. Как бы то ни было, но на требование Л. А. Моисеева в 1924 г. вернуть право распоряжения этими средствами Херсонесу новый уполномоченный КрымОХРИСа по Севастопольскому району К. Э. Гриневич ответил отказом, ссылаясь на проводимую «концентрацию бухгалтерии всех совмузеев» [8, с. 43].

Стремление к концентрации средств, а также к общему усилению централизации управления были явлением общегосударственным в то время. Кроме того, проявлялись новые тенденции в кадровой политике подбора руководящих кадров в музеях. Осознание значимости роли музеев в пропаганде советской идеологии привело к пониманию, что для успешного выполнения этой функции необходимы соответствующие политически подготовленные кадры в штате музейных сотрудников. Присутствие же среди музейщиков представителей дореволюционной интеллигенции расценивалось как лишнее и даже вредное. И если в Музейном отделе Главнауки, державшемся на авторитете лояльной к интеллигенции Н. И. Троцкой, провести подобную смену кадров было затруднительно, то на местах с такой задачей без труда справились местные партийные и советские активисты. Так произошло и в Севастополе, когда в 1924 г. практически весь состав правления местного ОХРИСа был смещён, а против прежних его деятелей было возбуждено уголовное преследование [8, с. 48–49].

Документация Севастопольского ОХРИСа была опечатана, в музеях были назначены новые временные заведующие. 17 июля 1924 г. Севастопольским отделением ГПУ был арестован бывший директор всех севастопольских музеев Л. А. Моисеев [4, л. 3 об.]. В августе 1924 г. научный сотрудник Дома-музея Л. Н. Толстого М. Д. Брылкин и хранитель Музея обороны А. С. Заньковский были привлечены к уголовной ответственности за злоупотребления властью, подобные действия карались лишением свободы или принудительными работами на срок до 1 года или отстранением от должности [9, л. 36.]. Пострадал от преследований и военный архитектор О. И. Энберг, которого в 1924 г. по ложному доносу обвинили во вредительстве и он тоже попал в заключение [8, с. 49].

Произошедшее можно охарактеризовать как вполне продуманную и слаженную кампанию городских властей, тем более что дела некоторых из привлечённых были возбуждены задолго до их официального ареста. Например, ещё в марте 1924 г. А. И. Полканов ходатайствовал

о приостановлении выселения М. Д. Брылкина из пределов Крыма и оставлении его на службе. Заведующий КрымОХРИСом дал вполне положительную характеристику данному сотруднику: «весьма добросовестно относился к своим обязанностям, отличался особой исполнительностью и всегда выражал полное сочувствие Советской власти» [7, л. 86]. К ходатайству прилагались копии личного заявления и анкеты М. Д. Брылкина. В них сотрудник Севастопольского ОХРИСа докладывал, что с него, «как бывшего офицера», Севастопольским особым отделом ГПУ была взята «подписка о выезде из пределов Крыма, что ставило его семью, не имеющую никакого имущества и живущую на скромное жалование, в безвыходное положение» [9, л. 4–4 об.]. К сожалению, факт последующего ареста М. Д. Брылкина подтверждает, что обращение было тщетным.

Что касается Л. А. Моисеева, то в его защиту уже после ареста высказался руководитель РАИМК, академик Н. Я. Марр. В конце августа 1924 г. он отправил в Музейный отдел Главнауки характеристику, содержавшую следующую оценку деятельности бывшего директора, учитывая специфику деятельности РАИМК она была посвящена работе исследователя с памятниками Херсонеса: «[Л. А.] Моисеев за 6 с лишком лет успел лучше, чем кто-либо другой, ознакомиться с состоянием Херсонеса и его памятников... он предан своему делу... состояние Херсонеса удовлетворительно в настоящее время, что, видимо, должно быть приписано заботам о Херсонесе Моисеева». Однако поверх данной характеристики стоит следующая резолюция от 19 октября 1924 г.: «ревизия, произведённая Музотделом, нашла ведение дел товарищем Моисеевым далеко не так удовлетворительно» [9, л. 4–4 об.].

Произведённые аресты дали повод для коренного пересмотра музейной сети Севастополя и её реорганизации на новых идеологических основах, причём внимание к подобным переменам уделялось городской прессой. Так, 8 июня 1924 г. в официальном органе городских властей вышла статья заведующего Севастопольским городским отделом народного образования А. А. Флодина «По нашим музеям», посвящённая Музею обороны и Панораме. По мнению автора, в эпоху, когда история уже не служит прославлению «разных генералов на белых конях», а отражает истинную науку – «историю развития экономических отношений, столкновения интересов капиталистических стран», музей, подобному Музею обороны в его прежнем виде, «в городе не место». Чтобы музей «дышал жаром современности», в первую очередь рекомендовалось убрать «ура-патриотические» плакаты, вроде «Слава безвестным героям», «от которых прёт такой ложью и лицемер-

рием, что становится тошно», ведь при осмотре убеждаешься, что трагедия этого солдата осталась ничем не отмеченной. Далее предлагалось очистить музей от портретов царей, а вместо них повесить диаграммы, отражающие экономико-политические взаимоотношения государств. Только после подобных перемен, по мнению автора, музей мог стать полезным для посетителей. Панораме повезло больше, полотно признавалось объективно отражающим все тяготы войны [10].

Таким образом, функционирование специализированного музейного учреждения военно-исторического профиля в Севастополе в 20–30-е гг. XX в. было сопряжено с постоянным противодействием городских властей, стремившихся контролировать экспозиционную и исследовательскую деятельность учреждения.

Список литературы

1. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века) : биобиблиографическое исследование / А. А. Непомнящий / Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского. – Симферополь, 2000. – 360 с.

2. Державний архів у місті Севастополь, ф. Р-420. Севастопольський районний виконавчий комітет, оп. 1, спр. 78. Акти вивчення Севастопольського управління уповноваженого у справах музеїв, охорони пам'яток мистецтва, старовини, народного побуту та природи (СевмузОХОРИСу), 31.03.1923–3.03.1925 рр. – 221 л.

3. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2307. Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения РСФСР, оп. 3, д. 130. Анкеты, сведения о дворцах-музеях, присланные в Главнауку, 07.1922–02.1923 г., 318 л.

4. Государственный Исторический музей Российской Федерации, отдел письменных источников, ф. 54. Коллекция документов по музейному строительству, оп. 1, д. 1007. Документы музеев г. Севастополя, 1921–1927 гг., 129 л.

5. Государственный Исторический музей Российской Федерации, отдел письменных источников, Коллекция документов по музейному строительству, оп. 1, д. 996. Документы Крымского отдела по делам музеев, охране памятников старины, искусства, природы и народного быта, 1921–1926 гг., 127 л.

6. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2307. Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения РСФСР, оп. 10, д. 192. Переписка с музеями Крыма об учете музейного имущества и по

административно-хозяйственным вопросам, ч. IV. 1.10.–19.12.1925 г., 198 л.

7. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2307. Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения РСФСР, оп. 3, д. 316. Переписка государственными и музейными учреждениями Крыма об охране и субсидировании музеев Крыма, 1923 г., 456 л.

8. Бойцова Е. Е. Музейное строительство в Севастополе в 1920-е годы / Е. Е. Бойцова ; М. В. Онучина / Севастопольский гор. гуманитар. ун-т. – Севастополь : Рибэст, 2011. – 120 с.

9. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2307. Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения РСФСР, оп. 10, д. 189. Переписка с музеями Крыма об учете музейного имущества и по административно-хозяйственным вопросам, ч. I. 6.01.–25.02.1925 г., 119 л.

10. Флодин Ал. По нашим музеям / [А. А.] Флодин // Маяк коммуны. – 1924. – 8 июня. – С. 3.

ACTIVITIES OF THE MUSEUMS OF MILITARY-HISTORICAL PROFILE

Musayeva Ulker Kazimova

*doctor of historical Sciences, associate Professor of history,
Crimean engineer-pedagogical University
Tel.: +7 978 8175110; e-mail: musaeva_ulker@mail.ru*

The article considers on the basis of an extensive body of archival documents, which are introduced into scientific circulation, the activity of the museums of military-historical profile. Restored selfless work in the field of studying and preservation of historical-cultural heritage, establishment and development of museums as an integrated system. Studied a new concept of Museum exhibitions, which are actively introducing new methods of direct work with the visitors and organization of replenishment.

Keywords: *A. I. Polkanov, the Museum of the defense of Sevastopol, Crimean ASSR, museology.*

References

1. Nepomnyashchij A. A. Muzejnoe delo v Krymu i ego starateli (XIX – nachalo HKH veka) : biobibl. issl. / A. A. Nepomnyashchij / Tavricheskij nac. un-t im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol', 2000. – 360 s.

2. Derzhavnij arhiv u misti Sevastopol', f. R-420. Sevastopol's'kij rajonnij vikonavchij komitet, op. 1, spr. 78. Akti vivchennya Sevastopol's'kogo upravlinnya upovnovazhenogo u spravah muzeiv, ohoroni pam'yatok mistectva, starovini, narodnogo pobutu ta prirodi (SevmuzOHORISu), 31.03.1923–3.03.1925 rr. – 221 l.

3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii, f. A-2307. Glavnoe upravlenie nauchnymi i nauchno-hudozhestvennymi uchrezhdeniyami (Glavnauka) Narodnogo komissariata prosveshcheniya RSFSR, op. 3, d. 130. Ankety, svedeniya o dvorcah-muzeyah, prislannye v Glavnauku, 07.1922–02.1923 g., 318 l.

4. Gosudarstvennyj Istoricheskij muzej Rossijskoj Federacii, otdel pis'mennyh istochnikov, f. 54. Kollekcija dokumentov po muzejnomu stroitel'stvu, op. 1, d. 1007. Dokumenty muzeev g. Sevastopolya, 1921–1927 gg., 129 l.

5. Gosudarstvennyj Istoricheskij muzej Rossijskoj Federacii, otdel pis'mennyh istochnikov, Kollekcija dokumentov po muzejnomu stroitel'stvu, op. 1, d. 996. Dokumenty Krymskogo otdela po delam muzeev, ohrane pamyatnikov stariny, iskusstva, prirody i narodnogo byta, 1921–1926 gg., 127 l.

6. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii, f. A-2307. Glavnoe upravlenie nauchnymi i nauchno-hudozhestvennymi uchrezhdeniyami (Glavnauka) Narodnogo komissariata prosveshcheniya RSFSR, op. 10, d. 192. Perepiska s muzeyami Kryma ob uchete muzejnogo imushchestva i po administrativno-hozyajstvennym voprosam, ch. IV. 1.10.–19.12.1925 g., 198 l.

7. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii, f. A-2307. Glavnoe upravlenie nauchnymi i nauchno-hudozhestvennymi uchrezhdeniyami (Glavnauka) Narodnogo komissariata prosveshcheniya RSFSR, op. 3, d. 316. Perepiska gosudarstvennymi i muzejnymi uchrezhdeniyami Kryma ob ohrane i subsidirovanii muzeev Kryma, 1923 g., 456 l.

8. Bojцова E. E. Muzejnoe stroitel'stvo v Sevastopole v 1920-e gody / E. E. Bojцова ; M. V. Onuchina / Sevastopol'skij gor. gumanit. un-t. – Sevastopol' : Ribehst, 2011. – 120 s.

9. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii, f. A-2307. Glavnoe upravlenie nauchnymi i nauchno-hudozhestvennymi uchrezhdeniyami (Glavnauka) Narodnogo komissariata prosveshcheniya RSFSR, op. 10, d. 189. Perepiska s muzeyami Kryma ob uchete muzejnogo imushchestva i po administrativno-hozyajstvennym voprosam, ch. I. 6.01.–25.02.1925 g., 119 l.

10. Flodin Al. Po nashim muzeyam / [A. A.] Flodin // Mayak kommuny. – 1924. – 8 iyunya. – S. 3.

